

Горький Максим Васса Железнова (Мать)

А.М.Горький

Васса Железнова. (Мать)

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

В а с с а П е т р о в н а Ж е л е з н о в а.

А н н а |

С е м ё н | - её дети.

П а в е л |

Н а т а л ь я - жена Семёна.

Л ю д м и л а - жена Павла.

П р о х о р Ж е л е з н о в.

М и х а й л о В а с и л ь е в - управляющий.

Д у н е ч к а - дальняя родственница Железновых.

Л и п а |

А н и с ь я | - горничные.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Раннее утро зимнего дня. Большая комната - спальня и рабочий кабинет Вассы Железновой. Тесно. В углу, за ширмами - кровать, налево - стол, заваленный бумагами, вместо пресс-папье положены изразцы. Около стола высокая конторка, за нею, под окном - кушетка. Лампы с зелеными абажурами. В правом углу - изразцовая лежанка, около неё - нескороаемый шкаф и дверь в молельную. К ширмам пришпилены булавками бумаги, когда мимо них проходят они шевелятся. В задней стене - широкие двери в столовую; виден стол, над ним люстра. На столе горит свеча. Д у н е ч к а собирает посуду для чая. Л и п а вносит кипящий самовар.

Д у н е ч к а (тихо). Воротилась?

Л и п а. Нет.

Д у н е ч к а. Ой! Что же теперь будет?

Л и п а. А я знаю?.. (Идёт в комнату хозяйки и осматривает её.)

(Из двери молельной выходит Васса, поправляя очки и волосы на висках. Смотрит на стенные часы над столом.)

В а с с а. Почему опоздала? Четверть восьмого, видишь?

Л и п а. Под утро Захару Ивановичу опять худо было.

В а с с а (проходя к столу). Делеша нет?

Л и п а. Нет.

В а с с а. Все встали?

Л и п а. Павел Захарович и не ложились ещё...

В а с с а. Нездоров?

Л и п а. Л ю д м и л а Михайловна дома не ночевали.

В а с с а (негромко). Берегись, Олимпиада!.. Я тебе... покажу!

Л и п а (испуганно). За что же?

В а с с а. А вот за то, что неприятное мне... со вкусом ты говоришь...

Л и п а. Васса Петровна! Да ведь я это...

В а с с а. Ступай, зови всех к чаю. Д у н я, дай мне сюда мою чашку. Олимпиада, стой! Ежели Л ю д м и л а спит ещё, не буди её, - поняла? Она сегодня ночевала у отца. Пошли его ко мне...

Д у н я (вносит чай). Здравствуй, Вассушка...

В а с с а. Здорова будь.
Д у н я. Ой, Вассонька, как Захарушке-то плохо было...
В а с с а. Ничего не говорил?
Д у н я. Где уж! Только глазыньками моргает.
В а с с а. Ты там послушай, что будут про Людмилку болтать. Иди к столу.
(Дуня ушла. Васса, положив руки на стол, нахмурилась, подняла очки на лоб, шевелит губами.)
М и х а и л (входя). Доброе утро-с...
В а с с а. Где дочь-то? Родитель... эх!
М и х а и л. Ничего не могу сделать... свыше сил...
В а с с а. Погубили парня...
М и х а и л. И её...
В а с с а. Она у тебя ночевала... Понял?
М и х а и л. Понимаю-с.
В а с с а. За косы бы её... (Усмехнулась.) Захар как?
М и х а и л. Плохо-с...
В а с с а (тихо). Не мог бумагу подписать?
М и х а и л. Нет.
В а с с а. Поп согласен?
М и х а и л. Триста просит.
В а с с а. Чёрт с ним, пусть пользуется. А другие?
М и х а и л. Всё в порядке.
В а с с а (вздыхнув). Кончится это всё - подумаем, как быть с детьми...
М и х а и л. Необходимое дело-с! Беда может быть...
В а с с а (задумчиво). Не едет А н н а, не едет! И депеши нет... Дуня, чаю! Кто пришёл?
П а в е л (в столовой). Я...
В а с с а. Что прячешься? Поздоровался бы с матерью-то...
П а в е л (входя). Извольте - с добрым утром! Тестюшка... ага? Где же ваша дочь?
М и х а и л (угрюмо). Вас спрошу об этом, - вам её дал церкви закон...
В а с с а. Иди, Михайло Васильич...
П а в е л. Маменька - мне стыдно, мне - нестерпимо... помоги как-нибудь, ведь ты меня любишь, я знаю... мама!
В а с с а. Ну полно, полно... погоди...
П а в е л. Чего мне ждать? Сил моих нет.
В а с с а. Говорила я - не пара она тебе! Женился бы на тихонькой...
П а в е л. На уроде? Сам я урод - и жену мне уродку? Кривобокую? Хромую?
В а с с а (гасит свечу). Перестань!.. Над слезами да жалобами смеются теперь... перестань!
П а в е л. Господи! Железнова жена - гулящая! Мамаша, неужто вас не терзает... не стыдно вам?
В а с с а. Сказала - перестань! Ну? Иди, пей чай... (Идёт в столовую.) Ты что свет не гасишь, ворона монастырская?
П а в е л. Мамаша, дайте денег, я в город поеду... не могу я тут... не могу...
В а с с а. Отец в опасности, а ты - в город? Ещё что выдумаешь? Умница!..
П а в е л. Ну, что же мне делать?!
(Бросился на кушетку, злобно плачет. В столовой - Н а т а л ь я подходит к свекрови, целует руку. Васса смотрит на Павла через очки.)
В а с с а. Проспала?
Н а т а л ь я. Я у батюшки дежурила до трёх часов. (Прислушавшись, испуганно). Кто это плачет?
В а с с а. Павел - постыдись! Кликуша!..
Н а т а л ь я (идёт в кабинет). Что ты это? Дуняша, дайте воды!

В а с с а. О, господи!.. (Дуня вопросительно смотрит на неё.) Ну, что тебе сказано? Воды подай... Эх, Павел, спрятала бы я тебя куда-нибудь...

П а в е л. Да, я знаю... вам не за меня стыдно, вы меня стыдитесь...

Н а т а л ь я. Ты мужчина, тебе нехорошо плакать.

П а в е л. Не тронь... ты брезгуешь мной... у меня жена гуляет...

(Михаил входит в столовую, дёргает себя за усы, провожая зятя угрюмым взглядом.)

В а с с а. Ты что?

М и х а и л (направляясь в её комнату). Пожалуйте сюда.

В а с с а. Ну? Дуня, выдь вон!

М и х а и л. Людмила уехала с дядей...

В а с с а (хватаясь за стену). Куда?

М и х а и л. На хутор...

В а с с а. Ох... Я уж думала - далеко... совсем! Испугал ты меня... Павел - знает?

М и х а и л. Узнает... Страшно мне... И дочь - погибла... и дело, которому всю жизнь служил, - разрушается.

В а с с а (с досадой). Ты бы не охал... я не охаю вот... Так, стало быть, П р о х о р...

М и х а и л. Он - всем враг!

В а с с а. Не каркай, говорю! Дело разрушается... Это ещё - посмотрим!

М и х а и л (с яростью). Его добрым считают... совестлив, дескать... Знаю я эти штуки - совесть да доброту! Видел-с... Они в деле - как песок в машине... И всё это - одна игра, никому не нужна доброта, никому! Дай мне столько, сколько я стою, больше ничего... Ласки да шутки оставьте себе, да-с! Это - когда человеку нечем внимания заслужить, он в совесть играет! А кругом все от его игры плачут... и никакое дело не может правильно идти... Вредоносный человек он...

В а с с а (очнувшись). Что ты с ним сделаешь?

М и х а и л. Что-с? Эх...

В а с с а. Ну? Говори.

М и х а и л (не вдруг). Погожу-с... Вам бы сходить к хозяину-то...

В а с с а. И вправду... А депеши от Анны всё нет... нет!

М и х а и л. Что вы так надеетесь на неё?

В а с с а (идёт). Ты её не знаешь... молчи!

М и х а и л (идя за нею). Тяжело...

В а с с а. Легко жить - просто. Только от лёгкой-то жизни глупеют скоро, слышала я...

(Ушли. Бесшумно является Дуня, села за стол, крестится и шепчет.)

Д у н я. Господи - сохрани, помилуй рабов твоих на всех путях... Господи!

Л и п а (вбегает). Где хозяйка? Приехала!

Д у н я. А н н а?

Л и п а. Людмила! С дядей ночь-то гуляла - ай-ай! Вот так дела!

С е м ё н (идёт). Какие дела, а?

Л и п а (убегая). Так-с...

С е м ё н. Квак-с! Дура! Ну-ка, Дуня, налей мне.

Д у н я. С добрым утром, Сенечка.

С е м ё н. Ну, и тебе тоже. Как отец?

Д у н я. Ой, плох...

С е м ё н. Гм... мучается долго. (Зевнул.) Все уже напились?

Д у н я (вполголоса). Павлуша не дотронулся, - жёнушка-то у него не ночевала дома...

С е м ё н (приятно удивлённый). Да ну-у?

Д у н я (захлёбываясь). Да, да! С П р о х о р о м, слышь, Зах...

С е м ё н. Да нет? Ах дядя, чёрт кудрявый, а? Добился-таки! Молодец, а-ах ты!

Д у н я. Добился, видно! Сраму-то...

С е м ё н. Вот рожа у Павла будет!

П р о х о р (входит, ворча). Я те уши оборву, погоди...

Семён. Кому?

Прохор. Уроду. Скотина! Опять мне на голубятню кота пустил... Риголета кособокая... (rigoletto - рогоносец (итал.) - Ред.) Даже ноги дрожат... со зла...

Семён (ухмыляясь). А чего ты такой красноглазый да измятый? В одежде спал?

Прохор (оглядывая себя). Я? Спал? Экой леший... надо переодеться.

Семён. Следует.

Прохор. Хавронья - чаю! Ах Пашка, кикимора... Скобаря удушил кот да двух чёрно-пегих...

Семён. И за что бы ему на тебя сердиться?

Прохор. Ну, ну! А ты знай край, да не падай! Дурак он! Женщине в актрисы надо идти али вообще куда-нибудь... какая она жена ему?

Липа (входит). Прохор Иванович...

Прохор. Ну?

Липа. Управляющий спрашивает...

Прохор. Я твой управляющий... и больше никаких! И нечего тебе тут плутать, Плут`онша... брысь!

Семён (Липе). Чего ему надо?

Липа (робко). Спрашивает, можно ли видеть.

Прохор. Меня? Нельзя. Я - невидим... Скажи ему, что он болван и жулик...

Семён (смеётся). Разве жулики бывают болванами?

Прохор. У нас, брат, и жулики не больно умны.

Семён. Люблю я, когда вы сердитесь... смешно очень!

Прохор. Вот - благодарствую! Государственный ум у тебя, брат, право!

Людмила (входит, в капоте). Здравствуйте...

(Дуня молча кланяется, Семён, ухмыляясь, шаркает ногами, Прохор крутит усы и крикает.)

Людмила. Молока мне. Вы чего, Семён, расцвели?

Семён. Видя вас - ликует вся природа... вот как!

Прохор. И животные.

Семён (фыркая). Это я - животный?

Прохор. Коли говоришь - вся природа, стало быть, и скоты все...

Семён (хохочет). Ой, ей-богу... вот ловко!

Людмила (Дуне). Видите - родитель у него при смерти, а он - зубы скалит. (Семён немедленно стал серьёзен.) Вы, Дуняша, поучили бы его приличиям, как, бывало, меня учили...

Дуня. Я-с...

Семён (тоном оправдания). Родитель - седьмой месяц хворает.

Прохор. Человек - вообще решительный, а умереть - не решается...

Дуня (невольно). О, господи...

Прохор. Что?

Дуня. Я так...

Прохор. Как?

Людмила (Дуне). Вы идите куда вам надобно. Дядя Прохор безнравственный, и вам, девушке, неприлично с ним сидеть. (Дуня уходит.) Не люблю шпионок. (Прохору.) Послушайте, испанец!

Семён. Похож!

Прохор. А ты видел испанцев? Тесто!

Семён. И видел. В цирке один плясал.

Людмила. Я пойду спать, в четыре встану, а вы будьте готовы идёт?

Семён. Кататься?

Людмила. На тройке.

Прохор. Хочешь с нами? Бери жену, и едем...

Семён (чешется, грустно). Не поедет она. Да и Павел тут...
Людмила. Что - Павел?
Семён. Не того... неловко...
Людмила. Вам неловко? Почему?
(Семён усмехается смущённо, Прохор смотрит на него, безнадежно качая головой.)
Васса (входит). Семён, ступай в контору.
Прохор (вслед племяннику). Да не очень умно распоряжайся, не так, как в прошлый раз.
Васса (Людмиле). Ты меня видела?
Людмила. Нет.
Васса. Что же не здороваешься?
Людмила (ласково). Ой, простите! Забыла...
Прохор (встал). Здравия желаю...
Васса (уклоняясь от поцелуя невестки, спокойно, строго). Ты что делаешь, Людмила?
Людмила (не сразу). Не знаю... честное слово, мама! Не знаю... (Быстро ушла.)
Прохор. Бум!
Васса (мягко, миролюбиво). Прохор Иванович, вот вы человек неглупый, не злой...
Прохор. Главное - неглупый! Вот-с...
Васса. Вы понимаете, надо быть, что поступки ваши конфузят весь дом и дело старинное в постыдном виде выставляют пред людьми...
Прохор. Слышал эти речи не однажды от брата Захара и всегда говорил ему, что учить меня - поздно-с...
Васса (тише). Неужто не жалко вам молодую женщину, девочку почти, - ведь ей - жить...
Прохор. Извините! В молодых женщинах и девочках я понимаю значительно больше вас... равно как и многих женщин почтенного возраста насквозь вижу...
Васса (медленно). Павел - племянник вам...
Прохор. Сделайте любезность - скажите ему, что если он голубей моих кошками травить будет - уши оборву-с!
Васса (не сразу). Значит - вы враг семье?
Прохор. Это вы - оставьте! Семья! Братец покойный не без вашего наущения по миру меня пустил было - не забыли вы об этом? Семья-с? Благодарствую! Тридцать тысяч слизали моих, - будет! Хе!
Васса (тихо). Воевать, значит, желаете?
Прохор. Чего-с? Как это? С кем?
Васса. С племянниками, разумею...
Прохор. Оставьте увертюры наши, всё равно - не вывернетесь! Никаких войн! Закон существует, Васса Петровна, эдакое римское право: моё суть моё! Отыдет Захар в селения горние, мы с вами мирно разделимся, и никаких увертюр! Желаю здравствовать... (Ушёл. Васса смотрит вслед, странно наклоняясь, точно хочет прыгнуть на него. Входит Наталья, садится за стол, наливает себе чаю.)
Васса (глухо). Что Павел?
Наталья. Успокоился немножко... (Молчание. Васса ходит по столовой.) Жалко его...
Васса. Что?
Наталья. Жалко, говорю, его...
Васса (не сразу, тихо). Мне вот арестантов жалко... некоторые совсем безвинно в тюрьме сидят, и дела никакого нет им... а на воле привыкли работать. Тех жаль, кому работать хочется, а - нечего...
Наталья. Иные живут хуже арестантов...
Васса (задумчиво). Меня вот никто не жалел. Как Захар банкротиться затеял - была я Павлом беременна, на шестом месяце... Тюрьмой, судом дело пахло - мы о ту пору под

заклад тайно деньги давали... чужого добра полны сундуки, всё надо было спрятать, укрыть. Я говорю - Захарушка, погоди! Дай мне ребёнка-то родить! А он как зыкнет... да! Так и возилась я в страхе-трепете месяца два...

Н а т а л ь я. Вот, может, оттого и родился Павел-то кривобокий...

В а с с а. Это он после... лет пять было ему, когда заметила я, что криво растёт... Да... То ли ещё было!

Н а т а л ь я. Вы с тем служащим, которого наемни прогнали, разговаривали?

В а с с а. Чего с ним говорить? Негоден, ну - иди себе!

Н а т а л ь я. А про жизнь говорили?

В а с с а. Чью жизнь?

Н а т а л ь я. Про всю... про всех?

В а с с а (не понимает). Невдомёк мне - о чём ты это?

Н а т а л ь я (поучительно). Он вот говорил, что всякое дело - грех.

В а с с а (удивлена). Экой дурак!

Н а т а л ь я (задорно). Почему это? Вы всех ругаете...

В а с с а (усмехаясь). Значит, дело - грех? Работа - грех? До чего доходят... чтобы лень свою оправдать... Помнится - был эдакой странник, это ещё до тебя... Сидит в кухне и проповеди говорит, вот так же - дескать, все дела рук человеческих - грех один. А я и говорю: "Ты, милый, положи хлеб-то, не тронь его, не ешь, он руками сделан. Не грехи-ка, друг, да уходи вон..." Так и прогнала.

Н а т а л ь я (ворчит). А может, правда-то его...

В а с с а (не слушая, звонит). Мудрят всё.. Захар не мудрил, да из простых мужиков вот куда дошёл.

Н а т а л ь я (встаёт). И помирает.

В а с с а. Ну, что ж? Пожил!

Н а т а л ь я. Вы жаловались на него...

В а с с а. Это баба жаловалась. Распутник он был всю жизнь... от распутства и помирает... А кроме этого, ему цены нет... нет похвалы достойной.

(Входит Липа.)

Н а т а л ь я (уходя). Вы всегда то одно, то другое говорите...

В а с с а (тихо). Дура... (Липе.) Кто вчера вечером у Прохора был?

Л и п а. Евгений Мироныч какой-то...

В а с с а. Адвокат из города... не знаешь? О чём говорили?

Л и п а. Не слыхала.

В а с с а. Почему?

Л и п а. Заперлись они...

В а с с а. А через отдушину в печи? Забыла?

Л и п а. Тихо они очень...

В а с с а. Смотри ты, еретица!

Л и п а. В а с с а Петровна! Да я ли...

В а с с а. Помни, кто ты есть!

Л и п а. В монастырь бы я...

В а с с а. Монастырь? (Задумалась.) Я те дам монастырь! (Мягче.) О тебе заботятся... Вытри рожу, ну? Отпусти тебя, - ты пропадёшь! Позови Михаила... Ты что, Павел?

П а в е л (в двери). Так.

В а с с а. Всегда - так. А что такое - так?

П а в е л. Ничего...

В а с с а (смотрит на сына с недоумением). Господи Иисусе... откуда это идёт? Какие-то всё никудышники... бездельники...

П а в е л. Что же мне делать? Места я себе не нахожу... сердце умирает...

В а с с а. Коли не умеешь с бабой справиться, - терпи... до поры...

П а в е л. До какой? Эх, мамаша, жестокий вы человек...

В а с с а. Я-то? Так!

П а в е л. Сыном своим вы готовы землю копать, как лопатой, лишь бы денег добыть...

В а с с а (тихо). Шёл бы ты, Павел, в монахи!

П а в е л (изумлённо). Я? Зачем?

В а с с а. А куда тебе деваться?

П а в е л (пугливо). Мамаша... вы - серьёзно?

В а с с а. Ну да...

П а в е л (обозлился). Нет уж... это вам не удастся! Ишь вы... а-а? Нет-с...

В а с с а. Ты с кем говоришь?

П а в е л. С вами!

В а с с а (негромко). Вон!

П а в е л (уходя). Не боюсь... ишь вы!

(Васса проходит в кабинет, садится за стол, разбирает бумаги, поднося их к лицу, руки у неё трясутся.)

В а с с а (бормочет). Для чего всё? Для кого? (Бросила бумаги, сняла очки и сидит неподвижно, суровая, тоскливо глядя перед собой.)

М и х а и л (входит, злой). Вы меня звали?

В а с с а. Что это ты как говоришь?

М и х а и л. Как?

В а с с а. Больно сердито. Погоди, сударь мой, я ещё хозяйка здесь...

М и х а и л (уныло). Ничего нельзя сообразить. Задёргали меня... Семён Захарыч смеются только...

В а с с а. Ну, ладно! Ты знаешь, что у Прохора адвокат был?

М и х а и л. Знаю!.. Эта Липа ваша....

В а с с а. Да... не сумела.

М и х а и л. Пугнуть бы её...

В а с с а. Как будто разучилась она бояться-то...

М и х а и л. Не может этого быть! Детоубийство - не шуточка-с!..

В а с с а. Опасно тоже... Ребёнок-то Семёнов был...

М и х а и л. Недоказуемо! Клейма фирмы на дитё не положено. Просто ребёнок! И - мать налицо, а его - нет...

В а с с а. Ты бы поговорил с ней... поостроже!

М и х а и л. Можно-с...

В а с с а. Поговори-ка. Мужчине - сподручнее. Пугни да приласкай... Ну, с Прохором беседовала я...

М и х а и л. Что же?

В а с с а. Говорит - разорю...

М и х а и л. Может-с!..

В а с с а (опуская глаза). Да... вот какие дни пришли!

М и х а и л (тихо). Требуют серьёзных мер...

В а с с а (не глядя на него). Что ты думаешь?

М и х а и л. У меня одна надежда - сердце его слабое... Этакое в одночасье помирают...

В а с с а. Пустяки! Он нас с тобой переживёт.

М и х а и л. Дело божие-с. Лекарства он принимает всё чаще, - я это по счетам аптеки знаю. Фершал Яков говорил - опасные это лекарства...

В а с с а. Лекарство, а - опасное! Врёт Яков спяна...

М и х а и л. Два их... Одно - против сердца, а другое - неловко сказать... для крепости в обхождении с дамами...

В а с с а (усмехаясь). Старый чёрт!..

М и х а и л. Яков опасался - микстуры, говорит, одна другой противоречат, во зло употреблять их нельзя-де. Если увеличить порцию...

В а с с а. Пьяный болтает, а ты - слушаешь... Так поговори с Олимпиадой-то...

М и х а и л. Обязательно. Ежели бы они скончались теперь...

В а с с а (усмехаясь). Ты, батюшка, словно травить его собираешься... Опомнись!

М и х а и л. Господи помилуй! Что вы? И в мыслях не было-с...

В а с с а. Будь осторожнее... в словах-то...

М и х а и л. Ф-фу... испугали вы меня...

В а с с а. Бояться - нечего...

М и х а и л. Даже - обидно-с...

В а с с а. Обиды тут нет. Мне не расчёт обижать тебя. Я только тогда спокой вижу, когда с тобой говорю...

М и х а и л. Вы не забудьте, что всю жизнь я вам служил... за совесть... И даже дочь... единую мою... которая после вас...

В а с с а. Ну, ну, полно... полно, дружок... Мы ещё, слава богу, жить можем, погоди! А за Людочку - меня не вини! Я её люблю... я против была...

М и х а и л (вдруг с глухой яростью). Он! Знаю-с... Он! У всякого жулика свой расчёт... я его расчёт верно понял! Девицу любовницей сделать побоялся, выдал её замуж за племянника... знаю-с!

В а с с а (тихо). Ты не откладывай надолго с Олимпиадой-то...

М и х а и л. Будьте покойны... клятву дал себе-с!

В а с с а. Сам-от поспокойней будь...

М и х а и л. Когда я горячился?

В а с с а. Ну, иди... иди! Насчёт духовной-то, смотри...

(М и х а и л почтительно наклонился, поцеловал её руку, она ответила поцелуем в лоб и дважды погладила голову его. Он ушёл, выпрямившись, как солдат; проводив его взглядом, Васса снова садится за стол, невнятно бормочет, разбирая бумаги. Осторожно входит А н н а, смотрит на мать, сначала - насмешливо, но скоро лицо её становится ласковым и грустным.)

А н н а. Мама...

В а с с а (обернувшись). Анна... Анюта...

А н н а. Одна, как и раньше, бывало... седенькая мамочка... Здравствуй!

В а с с а. Слава богу... как это ты хорошо вошла! Что депешу-то? А я всё депешу ждала...

А н н а. А не меня? Как отец?

В а с с а (заглядывая в столовую). Плох... Видел тебя кто-нибудь?

А н н а. Юноша какой-то, открыл дверь и убежал... даже не спросил, кто я...

В а с с а. Митька из конторы... разиня! Ну, вот хорошо! Стой-ка, я дверь-то притворю... поговорим одни... чтобы знала ты... Ах, офицерша!.. Ишь, какая стала! Ах ты, военная... (Затворила дверь; взволнованная, берёт дочь за руку, садится на кушетку.) Ну, Анна...

А н н а (тихо). Значит, отец...

В а с с а. Не встанет... (Сразу впадая в деловой тон.) Беда идёт на нас, Анна! Дядя хочет свои деньги вынуть из дела... а кто ему деньги нажил? Чьей работой они выросли? Захаровой да моей! Что он делал, Прохор-то? За бабами гонялся, театры заводил... Куда ему деньги? Один...

А н н а (хмурясь). Подождите...

В а с с а. Ты - слушай! Семён - у жены в руках, а она - блажененькая какая-то... и тоже выделиться уговаривает его. Павел - несчастный человечиска... жена у него, - ты её знаешь, он на Людмиле женился... не пара она ему и будто гулять начала! Не верю в это я... брезглива она! Ничего понять не могу, Анна!.. Затем тебя и выписала, - ты со свежего воздуха, ты, может, увидишь, что делать... чтобы хоть греха поменьше вышло...

А н н а (внимательно). Вот как... да? Разоряемся?

В а с с а. Рушится всё дело! Тридцать лет работы - всё дымом, дымом! Годы были - тяжелые, убытки - большие... Работников - нет, а наследников много... А наследники - плохи! Для чего трудились мы с отцом? Кому работали! Кто грехи наши оправдает? Строили - года, падает - днями... обидно... Непереносно!

А н н а. Завещание отец подписал?
В а с с а (осеклась, не сразу). Духовную? Не... не знаю...
А н н а (недоверчиво). Не знаете? Вы?
В а с с а. Наверно - написал... Ты подумай, какое дело падает!
А н н а. Да...
В а с с а. Вот! Ты поговори с братьями-то... мне они не верят, сыновья мои! Думают, что я всё в свои руки хочу схватить. А тебе - должны поверить, Аннушка! Ты человек - без интереса, ты - выделена из наследства... прогнана отцом...
А н н а (встала). Выделена? Дали мне - бросили, как нищей, десять тысяч и - всё?
В а с с а (усмехнулась). Расписка твоя есть... расписка в том, что ты всю свою часть получила.
А н н а (ласково). Что же такое расписка? Вы мне её подарите, мамаша!
В а с с а (как бы шутя). За какие услуги, сударыня моя?
А н н а (задумчиво). Услуги? А вот, дайте всё понять...
В а с с а (следит за ней). Ну, ну, понимай! Как живёшь?
А н н а (неохотно). Так себе.
В а с с а. Что твой-то?
А н н а. Подполковника получил после летних маневров. Батальон дали ему...
В а с с а. А - пьёт?
А н н а. Офицер, да не пил бы! Болен. Скоро, пожалуй, вдовой буду...
В а с с а (с улыбкой, тихо). Прошла любовь-то, а?
(Анна молча усмехнулась.)
В а с с а. То-то! А как тогда кипела! Говорила я тебе...
А н н а. Ну, это мы оставим, мамаша!
В а с с а (разглядывая её). Решительно говоришь... И сидишь смело нога на ногу... да вот и табак куришь!
А н н а. Курю.
(В столовой - Павел. Тихо подходит к двери, слышит голоса и прижимает ухо к двери.)
В а с с а. Не пристало бы даме-то...
А н н а. Ко мне - идёт.
В а с с а. А одета благородно.
А н н а. Умеем.
В а с с а. Внучата как живут?
А н н а (гордо). Дети у меня здоровые, весёлые...
В а с с а. Первый-то помер ведь...
А н н а. Да... Тот был больной... слабенький...
В а с с а (усмехаясь). Так! Первый - больной... а потом, слава богу, здоровенькие пошли... от большого-то мужа...
А н н а (покраснела, взглянула на мать и тихонько смеётся). Умная вы, мамаша...
В а с с а (довольна). Ну, надо братьев позвать...
А н н а. Знали они, что я приеду?
В а с с а (идёт к двери). На что им знать это... (Отворила дверь Павел отскочил, но не успел убежать, запнувшись о стул. Мать смотрит на него, он сконфуженно трёт себе колено.)
П а в е л (тихо). Всё равно... не слышно ничего...
В а с с а. Не слышно? Это горе!
П а в е л (зло). Свой я или нет? Мне сказали - дама приехала с чемоданами...
В а с с а. Ты бы постучал в дверь-то, а я бы отворила тебе...
А н н а (выходя). Здравствуй, Павел!
П а в е л (матери). Ну, не догадался я! Здравствуй, Анюта!
В а с с а. Вот, спроси его, почто он подглядывает за матерью? (Идёт в столовую.)
П а в е л. Ну да... Уж и подглядываю!
А н н а (улыбаясь). Рад меня видеть?

П а в е л. Конечно. А то у нас - как в сумасшедшем доме.
А н н а (тихо, заглядывая в столовую). Мать всё такая же?
П а в е л. Хуже стала. Хочет всё в свои руки забрать.
А н н а. Да ведь и так всё в её руках...
П а в е л. Не будет этого, когда папаша умрёт! Шабаш! Мы уже не маленькие - мне двадцать четыре, а Семён на три старше...
А н н а. Дружно живёте?
П а в е л. Разно. Он - дураковат, Семён-то...
А н н а. А жёны?
П а в е л. У него жена - хитрая... Толстая, а - хитрая! Красивая ты стала! И одета особенно... хорошо! А у нас, как в больнице, все ходят платья чёрные да полосатые...
А н н а (обняв его, ходит). Ты на Люде женился?
П а в е л. Ну да. И делать у нас ничего нельзя. Я вот начал старинные иконы покупать у староверов, за рекой, - мать загрызла: богу, говорит, не молишься, а денег тратишь много! Не понимает, что тут десять рублей на рубль можно взять... Выгоднее всего - старинными вещами торговать... в городе один торговец купил шесть тарелок за девять рублей, а продал - за триста двадцать... вот как! А мы тут... кирпич, изразцы, дрова, торф... дьявол идёт!.. У-у!
П р о х о р (входя). Ба-а! Сколь шикарная дама однако! (Растопырив руки, разглядывает племянницу, вкусно прищёлкивая языком.) Bravo! Ну, поцелуй...
А н н а. А вы, дядя, не смущайте.
П р о х о р. Тебя-то? Гм... с такими глазками не смущаются... врёте-с!
А н н а. А вот - Семён! Ух, какой толстый!
С е м ё н (рад). Анюта! Вот хорошо... Господи! Как я рад, ей-богу... ну - ах ты! Сколько время не видались?
А н н а. Ты с женой-то познакомь!
С е м ё н. Обязательно! Наташа, вот она - Анюта! Помнишь, я тебе говорил, колошматил меня всё?..
П р о х о р. Мало!
А н н а (Наталье). Мне приятно видеть вас... будемте друзьями...
Н а т а л ь я. Хорошо-с...
П р о х о р. Бум!
С е м ё н. Она у меня - тихая! Староверка, в корчаге крестили...
П р о х о р. В огромной корчаге!
А н н а (Павлу). А Людмила где?
П а в е л (захваченный врасплох). Не знаю. (Семён фыркнул, все замолчали на секунду.) Спит она.
С е м ё н. Ты ведь её знаешь!
А н н а. Она красивая была...
П р о х о р. Ого! Ты на неё теперь взгляни! Зверь!
С е м ё н. Похвалил!
П а в е л. Это он назло мне. Они все смеются надо мной...
Н а т а л ь я. Ну, полно, что ты!
П а в е л. Они меня со свету сживают, Анна!
А н н а. Ой, как страшно! (Обняла Павла за плечи и отводит его в угол, что-то говоря; он ворчит и машет руками.)
П р о х о р (Семёну). Хороша сестра-то?
С е м ё н. Да-а...
Н а т а л ь я. Только глаза очень блестят...
С е м ё н. На мать похожа...
П р о х о р. Фигура-то! Грандама...
С е м ё н. Ой, какая разбойница была!.. Колошматил она меня...
Н а т а л ь я. Нехорошо, что Людмила не идёт, неуважительно к Анне Захаровне...

М и х а и л (входит). Анна Захаровна, позвольте поздравить с возвратом под свой кров...

Н а т а л ь я (негромко). Свой... это как же?

М и х а и л. Чему безмерно рад-с...

А н н а. Вы не постарели, дядя Миша, и молодец! Рада видеть вас...

М и х а и л. И я! Душевно...

С е м ё н (Наталье). Нравится она тебе?

Н а т а л ь я. Ничего... Пёстрая только очень...

С е м ё н. Она же в один цвет одета! Ю!

Н а т а л ь я. Да я вижу. Это я - так...

П р о х о р. Это - куриная слепота...

Л ю д м и л а (входит заspanning, растрёпанная, но красивая. Бросается к Анне). Нюта...

А н н а (обнимая её). Людочка...

Л ю д м и л а. Нюта... ой, как хорошо...

А н н а. Какая ты стала...

Л ю д м и л а. Точно солнышко ты...

П а в е л. Нытьё началось...

В а с с а (в дверях). Анна!.. Иди к отцу-то...

П р о х о р. Что - плохо ему?

П а в е л. Погодите ещё радоваться-то...

П р о х о р. Я тебя спрашиваю, дуга?

(Павел, забежав за стол, показывает дяде язык.)

Л ю д м и л а (хохочет сквозь слёзы). Смотри, папа!

П р о х о р (идя к Павлу). Пашка, уши надеру!

П а в е л. Троньте...

М и х а и л (дочери). Ты - уйди...

С е м ё н (оживлённо). Дядя - загородите стулом дорогу-то ему! Павел под стол катай, эх ты!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вечер. В столовой полутьма. Перед камином - Л ю д м и л а. А н н а, с папиросой, задумчиво ходит по комнате.

А н н а. Жалко, что ты не писала мне...

Л ю д м и л а. Ну... я и адреса твоего не знаю.

А н н а. Если б хотела...

Л ю д м и л а. Следят за мной: муж, отец... И о чём писать, что тебе интересно?..

А н н а. О себе... обо всех...

Л ю д м и л а. Ничего не понимаю я. За два года - поглупела, обозлилась..

А н н а. Зачем ты вышла замуж за Павла?

Л ю д м и л а. Надо было.

А н н а. Да?

Л ю д м и л а. Да.

А н н а. Как это ты? Такая осторожная...

Л ю д м и л а. Время было такое... особенное. Везде - бунты, забастовки эти... точно уборка перед праздником... И всё уборка да уборка... а праздника - нет. Подвернулся один... красавец... мальчик почти... Рябой был, а красив.

А н н а. Где он?

Л ю д м и л а. Пропал. Не знаю - где.

А н н а. Павел знает?

Л ю д м и л а. Нет. Никто не знает... кроме дяди.

А н н а. Как же...

Л ю д м и л а. Так уж. Дядя Прохор научил... Хороший был тот... рябенкий-то...

удивительно ласковый и добрый...

А н н а. А что за человек дядя Прохор?

Л ю д м и л а. Так... купец весёлый... Тоже ласковый... Приласкает, а потом - отдавай назад... с процентами. (Другим тоном.) Ну, бог с ним! Не хочу плохо говорить о нём, - он всё-таки сделал мне однажды доброе, сделал! А мы ведь не нищие и должны добро помнить, так, Анна?

А н н а (равнодушно). Не знаю.

Л ю д м и л а (улыбаясь). Близкий мне человек один - мать твоя... И не говорю я с нею никогда почти, и она меня не спрашивает ни о чём, - разве пожурит порой за Павла... А сердцем я знаю, что только она меня жалеет и любит... Не будь её, - ух, что бы я сделала!

А н н а (нахмурясь). Вот как!

Л ю д м и л а (весело). Вот придёт весна - начнём мы с нею в саду работать... Ой, Анна, хорошо это как - помогать земле в цветы рядиться! На самом восходе солнышка постучит она ко мне, мамаша-то: "Эй, - скажет, сердито так, - вставай-ка!" И пойдём обе молча, почти на весь день, вплоть до вечера... Не узнала бы ты сад, кабы лето теперь! Вот разросся, вот украсился! Прошлой весной одних цветочных семян больше, чем на сотню рублей купили! Сливы какие, яблони, вишенья! Прививки училась делать я, к мужикам на село хожу прививать - садовница совсем! Книжку мне мать купила о садоводстве - учись, говорит, это честное дело! Мужики, видя наши-то успехи в саду и огороде, жён присылают по семена, прививочку попросить... мужики меня уважают! Хорошо жить весной, летом, осенью... а зима - трудна и мне и ей... Тесно как-то нам в доме... Не говорим ничего, а обе знаем, что думаем... Ты что скучная какая стала?

А н н а. Не знаю... Такая ты красивая, молодая...

Л ю д м и л а. А вот, как начнём работать весной - погляди, какая буду я! Ах, сад наш! Войдёшь в него утром, когда он росой окроплён и горит на солнце, - точно в церковь вошла! Голова кружится, сердце замирает, петь начнёшь - точно пьяная! Перестану, а мамаша кричит - пой! И над кустами где-нибудь лицо её вижу - ласковое, доброе, материно лицо!

А н н а (тихо, точно не веря). Ласковое? Доброе?

Л ю д м и л а. Ну да! А что? Помнишь, как мы с тобой в саду этом играли?

П а в е л (входит). О чём сплетничаете?.. (Зажигает свечи в люстре.)

Л ю д м и л а. Зачем это?

П а в е л. Тобой любоваться хочу!

Л ю д м и л а. Погаси...

П а в е л. Не погашу!

Л ю д м и л а. Урод!

П а в е л. Вот, Анна, с каким дьяволом связали меня... на всю жизнь.

Л ю д м и л а. Врёшь! Ты сам на коленках ползал передо мной, как нищий...

А н н а. Перестаньте!

Л ю д м и л а. Ты понимаешь - он ничего не может сделать со мной... так дразнит меня разными пакостями. Подарили мне кота сибирского отравил...

П а в е л. Он меня царапал... Вовсе я не травил его... он сам объелся...

Л ю д м и л а (вскочила). Молчи, обезьяна! Видеть не могу... (Быстро уходит.)

П а в е л (тихо). Убежала... ага! Видеть не можешь?

А н н а. Что же ты думаешь делать, Павел?

П а в е л (усмехаясь). Ничего. Мне - нехорошо, пусть и она терпит! (Вдруг искренно и горячо.) Анюта, помоги мне, Христа ради! Я тебе подарю что хочешь... денег, если надо, денег дам, когда папаша умрёт! Господи - я всё отдам... всё!

А н н а (задумалась). Что я могу сделать?

П а в е л (тихо, жалобно). Ты по любви вышла замуж,- научи её любить меня... научи её! Я её так люблю - меры нет! Спит она, а я стою на коленках у кровати: "Люда, Людочка, никто тебя не полюбит, как я! - так и шепчу ей всю ночь до утра... - У всех что-нибудь есть, а я уродливый, мне больше не для чего жить, как для тебя", - говорю я ей, а она - спит... Анна,

помоги мне!

А н н а (торопливо). Успокойся, кто-то идёт...

П а в е л. Что мне? Пусть все идут... все знают!

Н а т а л ь я (входит). Паша, матушка зовёт... (Подозрительно смотрит на них.) Скорее, она сердится.

П а в е л (уходя). Она всегда сердится.

Н а т а л ь я (следуя за ним). Ты там мальчишку побил конторского...

П а в е л. Ну так что? Их надо бить...

А н н а (Наталье). Наташа, подождите минутку.

Н а т а л ь я (возвращаясь). Хорошо.

А н н а. Ф-фу... точно он избил меня!..

Н а т а л ь я. На супругу жаловался?

А н н а. Вы с ним, кажется, хорошо живёте?

Н а т а л ь я. Я - со всеми одинаково.

А н н а. Не скучно это?

Н а т а л ь я. Почему же?

А н н а. Да вы такая молоденькая... развлечений здесь нет...

Н а т а л ь я. А муж?

А н н а (улыбаясь). Этого довольно?

Н а т а л ь я (поучительно). Он очень старается, чтобы не скучно было... и смешит, и всё. К тому же время теперь вовсе не такое, чтобы смеяться хотелось...

А н н а (заинтересована). Да-а?

Н а т а л ь я (убеждённо). Конечно! Теперь уж невозможно жить, как раньше... надо переезжать в город... и всё должно быть иначе...

А н н а (серьёзно). Как же?

Н а т а л ь я. Не могу ещё объяснить... я очень много думаю об этом, а - не знаю... Только - надобно жить в укреплённых городах, где много полиции и войско есть... (Воодушевляясь.) После этих страшных годов тихие люди переводятся, сестрица Анна. Все начали думать и тайно друг с другом говорить... и ходят разные люди... у нас тут заходил один, так он уговаривал всех, что всякое дело - грешно и делать ничего не надо! Я очень испугалась тогда... вы подумайте, что это может быть, если опять никто не будет работать?

А н н а. Какая вы однако...

Н а т а л ь я. У меня ребёнок больной, и по ночам я мало сплю, а всё думаю о разных разностях. Но я ещё молоденькая, и меня не слушают, когда я говорю... а вот вы, спасибо вам, слушаете... Это мне очень приятно.

П р о х о р (входит, сердитый). Где Васса?

А н н а. Не знаю.

Н а т а л ь я. На завод ушла.

П р о х о р. Чертовка...

А н н а. Откуда вы такой?

П р о х о р. Грязен? С голубятни. Ефиопы - три месяца прошу лестницу поправить - не хотят! Это - нарочно, Анна, так ты и знай! И если я в погреб слечу, шею сверну, - это будет подстроено, да! Это будет Пашкина хиромантия!..

А н н а. Ой, дядя, ну что вы говорите?

П р о х о р. Знаю что... Ты - не знаешь, а я... прошлый раз сижу на голубятне, а кто-то тихонько открыл творило погреба, лестницу подвинул на самый край и дверь со двора захлопнул. Темно. Пол - сырой на погребе... едва-едва не слетел я. Это как понять? Чьи сии дела уголовные, а?

Н а т а л ь я (Анне). Если Пашу дразнить - он может великий грех сделать, я внушала Людмилочке это...

П р о х о р. Вот - видишь? И Валаамова ослица так же глаголет...

Н а т а л ь я. Вы совсем напрасно сравниваете меня с ослицей...

Прохор. Ну, ну! Ты вспомни, кто её устами говорил...

Наталья. Мне это всё равно... я купеческая дочь...

Анна. Вы, Наташа, напрасно укрепляете враждебные мысли дяди...

Наталья. Страшные мысли нельзя скрывать. Вы сами знаете, что несчастные люди очень злые всегда...

Прохор (весело). Каково? Экая голубица со змеиным умом, а?

Наталья (обижена, уходит). Ум очень простой... извините! Это самый человеческий ум...

Анна. Ой, дядя... зачем вы с ней так?

Прохор. Ничего, съест! Не люблю эту тёмненькую душу в тёмном платье! (Смеется.) Знаешь, слышал я однажды, как она о будущей жизни мечтала с мужем. (Передразнивая манеру Натальи.) "И вот, Сеня, лежу я в лиловом капоте бархатном, а под ним одна кружевная рубашка... или сижу на эдаком кельк шозе"...

Анна (улыбаясь). Шезлонг, должно быть...

Прохор. Ну - всё равно! (Снова передразнивая Наталью.) "И приходят с визитом разные лица: тут и полицмейстер, и судьи, и градской голова - весь город!.. И все тебе завидуют, глядя на меня, - ай да Железнов! Вот так жена у него, да-а! А я - эдак ножкой двину, а то плечико покажу - пускай их ещё больше зубами-то скрипят..." (Хохочет.) Хороша иллюстрация, а? Сенька, дурак, ржёт...

Анна (серьёзно). Странная женщина... Не понимаю я её! Такая... как бы немудрая...

Прохор. Чёрт лучше знает, какая она... Иной раз она, брат, так ворочает глазищами своими... Ах, и надоели они мне!..

Анна. Что ж вы живёте с ними?

Прохор. Бум! Сказала тоже! Завязли тут все деньги мои, по милости Захара... Вот выдерну их, и - прощайте, единокровные мои жулики!..

Анна. Куда же вы?

Прохор. В Москву, в столицу! (Наклоняясь к ней, таинственно.) У меня, брат, есть - некоторый плод любви несчастной... ха-ароший, Анна, зреет плод!

Анна. Вот как?

Прохор. Бум! Студент уже... превосходнейшая рожа!

Анна. И - мать?

Прохор (не сразу). Скончалась... жаль! (Снова веселее.) Зовёт он меня неожиданным отцом - весёлый чёрт! И - ничего не просит, а? Видела эдаких? Не нашей крови, нет... Пьёт, чёрт, несколько... Театрал, всех актрис знает... Учится на мифологическом...

Анна. Филологическом.

Прохор (убеждённо). Нет, я верно сказал - есть мифология наука... он, брат, мне рассказал подробно, и даже я сам читал про греческую войну, про Одиссея... Вот, брат, шельма была Одиссей! Врал - замечательно! Будто вплоть до ада снисходил, понимаешь? И будто в аду - ничего не страшно, а только - скука большая?.. Пётр этот, мой-то, тоже врать здоров!

Васса (входит). Мир беседе. На кого это Наталья обозлилась?

Анна. Она? Как же она злится?

Васса. Стоит середь зала и кисти у платка обрывает... белая вся, даже досиня... (Прохору.) Там вас голубятник спрашивает.

Прохор (расхаживая). Подождёт...

Анна (глазами и осторожными жестами просит, чтобы мать ушла. Васса недоверчиво смотрит на неё). Семён воротился из города?

Васса. Не знаю... и мне он нужен бы... пойду, погляжу,.. (Уходит.)

Прохор. Давай в карты играть, а? Позовём Людмилу, Наталью...

Анна. Ну что ж, давайте... Так, значит, уходите вы из дела?

Прохор. Обязательно. Стар становлюсь... и вообще - какое это дело? Боязно чего-то, видишь ли! Бывало - идешь по селу - барином себя чувствуешь... а теперь хоть и

по-прежнему низко кланяются люди, но это они для того, чтобы злые глаза свои спрятать... Какая это жизнь? Вот это, брат, и есть греческая Илиада - все друг друга по башке норуют ловчее стукнуть... К тому же и делец я был всегда не ахти какой... а теперь к чему мне оно, дело?

С е м ё н (входит). Кто меня звал?

А н н а. Мамаша.

С е м ё н. А она говорит - ты! Стало быть, никому я не нужен? Ну, это хорошо!

П р о х о р. Бум! Пойду за Людмилой. Семён, в карты хочешь?

С е м ё н. Можно. Ай, братцы, славно в городе! Твёрдо всё - дома каменные... светло, чисто... И люди другие - разговор широкий... про всё знают... Дума там, политика разная... случаи интересные...

П р о х о р (уходя). Барыньки красивые...

С е м ё н. Пошёл... бабник!

А н н а. Ты серьёзно думаешь, что он с Людмилой... шалит?

С е м ё н (с удовольствием). Шалит? Ишь ты... а я ждал, как ты это скажешь! Назвала ловко... Вот он, город... всему учит! Да, он, дядя, конечно, шалит... да ещё как... Я сам слышал, как он её учил однажды... у меня глаза на лоб со стыда полезли...

А н н а. Чему - учил?

С е м ё н. Ну, это нельзя сказать, совестно.

А н н а. Чай, я замужем!

С е м ё н. Всё равно... да я и не понял толком-то... насчёт детей... как надо, чтобы дети не родились... Ну его! Баловник... дело его не утешает...

А н н а. А тебя?

С е м ё н. Меня-то? Видишь - радости в изразцах да кирпичках немного... к тому же народ стал угрюмый... стражники да строгости... пьянство да драки... скушно это! Помрёт папаша, - в городе буду жить... совсем иным сам себя видишь, когда вокруг все люди одинаковы...

А н н а. Ну, а кто же дело вести будет?

С е м ё н. Дело-то? Его - сократить... торф невыгодно работать... а остальное - мать да Михайло... пускай они копаются... А в городе - открою я магазин золотых вещей... н-да! На главной улице, на Дворянской... И вывеска: ювелирный магазин Семёна Железнова - ювелирный! И слово такое мягонькое - ю! Над магазином - квартира будет... Фисгармонию куплю, буду играть на ней... ю!

Л ю д м и л а (бежит). Анна, иди, уйми их...

С е м ё н (испуганно). Кого? Кто?

Л ю д м и л а. Дядя Прохор Павла бьёт...

С е м ё н. Вот... пожалуйста! Вот те и ю! Анна, что же ты, иди!

А н н а. Куда я пойду? Ударят ещё! Иди ты сам!

С е м ё н (идёт). Я... ну что я! Полицейский какой...

Л ю д м и л а. Господи - что же это? Какая это жизнь?

А н н а. Ничего, Люда...

Л ю д м и л а. Хоть бы уж дядя убил Павла... так жалко его... так он противен!

А н н а. Из-за чего они?

Л ю д м и л а. Павел сказал, что не пустит меня в карты играть, а мне это смешно стало... он меня толкнул и заорал, а дядя за волосы его...

А н н а (спокойно). Мужичьё...

Л ю д м и л а. Противно...

А н н а. Так ли бы тебе жить!

Л ю д м и л а. Дорого стоит счастье, хоть и маленькое... (Задумчиво.) А всё-таки вспомнишь о нём - и легче... Ах, Анюта, как хорошо, когда мужчина от радости плачет пред тобою, - такой он милый тогда... такой дорогой... знаешь это?

А н н а (обняла её). Да-а... о, я знаю...

Л ю д м и л а. Чувствуешь себя в такую минуту богатейшей королевой да ведь? И так уж ничего не жалко тебе, так не жалко - хоть смерть примешь...

В а с с а (идёт). Что за шум у вас?

Л ю д м и л а (бросаясь к ней). Ах, мама, сделайте что-нибудь!..

В а с с а. Ну, что ещё натворила?

Л ю д м и л а. Ничего! Они там, Павел с дядей, подрались...

В а с с а. Опять! Просила я тебя, Людка...

Л ю д м и л а. Не могу! Вы всё знаете... вы понимаете, ведь - не могу быть ласковой! Вы сами говорили - мужчину не обманешь...

В а с с а. Ну иди, ступай... уговори их... дураки оба...

Л ю д м и л а (идёт). Что я пойду?

А н н а. Это у вас часто?

В а с с а (села у камина). Третий год... Иной раз так за сердце схватит... всех бы... взяла да и... Жалко мне Павла! Ой, Анна, жалко...

А н н а. Людмиле тоже не сладко.

В а с с а. Ей? Она - не сдаст...

А н н а. Что у неё с дядей Прохором?

В а с с а. Не Прохор он, а прохвост! Узнал девичий секрет один... ну и пользуется... да! Пользуется, пёс!

А н н а (тихонько). Вот что, когда вы ляжете, я приду к вам.

В а с с а (насторожилась). А что? Зачем?

А н н а. Надо поговорить. Они тут исповедовались.

В а с с а. Прохор?

А н н а. И он. Вы знаете, что у него сын есть?

В а с с а. Не один, поди-ка! Ну?

А н н а. Одного - усыновить хочет.

В а с с а (поднимаясь). Врёшь? Пугаешь?

А н н а. Так говорит.

В а с с а. Ну вот... и - конец! Зачем работали? Чем гордились? Нет, нельзя... это - нельзя!

А н н а. Семён в город переезжать хочет...

В а с с а. Так... Ну?

А н н а. И Павел тоже!..

В а с с а (грубо). Молчи! Я ему найду место!.. (Тише.) А сама я куда? Куда меня, а?

(Идут возбуждённые - Прохор, Семён и Наталья.)

С е м ё н. Наташа! Да перестань...

П р о х о р. Уймите мне эту дуру!

Н а т а л ь я. Кроме меня, кто здесь правду скажет?

С е м ё н. Наташа, ты вспомни - ю! Ну, какое тебе дело? Плюнь!

В а с с а. Что у вас такое?

П р о х о р. Невестушка ваша изволили взбеситься - пожалуйте!

Н а т а л ь я (Прохору). Вы Пашу в дикого человека сами обратили...

П р о х о р. Семён, чёртова башка!

А н н а. Дядя, вы здесь самый умный...

П р о х о р. Я? Меня давно с ума свели... Ты знаешь - он, шельма, ножиком на меня замахнулся, а?

(Вошла Людмила, села в углу и оттуда неподвижно смотрит на всех.)

Н а т а л ь я. Вы во всем виноватый...

В а с с а. Семён! Есть у тебя власть над женой?

С е м ё н. Будет вам, мамаша! Всё власть да власть, а и командовать некем...

Н а т а л ь я. Нет, уж я скажу всё! Вы Людмилу испортили...

П р о х о р. Дура ты! Да она - до замужества... (Заметил Людмилу.) Нет, каково, Анна?

Л ю д м и л а. Расскажите - что же я сделала до замужества-то?
В а с с а (строго, тихо). Людка! Молчи... что ты?
П р о х о р. Идите вы все в болото!
Л ю д м и л а. Замахнулись, так бейте!
П р о х о р (уходя). Подождите же! Я вам наступлю на языки!
Л ю д м и л а. Струсил... эх!
В а с с а. Я тебе говорю - молчи!
Л ю д м и л а. Всё равно, мама! Теперь Павел узнает... всё узнает!
С е м ё н (жене). Идём! Тут другое начнётся...
Л ю д м и л а. Вот Наталья, она уж не промолчит!
Н а т а л ь я (уходя). А ты что думаешь? Я правде не изменница...
С е м ё н. Ты помни - ю! И больше ничего!
Л ю д м и л а. Ой! Кожу бы всю оставила, только вырваться... только вырваться!
В а с с а. Вот Анна... видишь? Никто ничем не связан... никто! Схватить и - бежать!
Л ю д м и л а. Мне хватать нечего... мне не надо ничего! Жизнь оставьте, жизнь...
П а в е л (идёт, лоб у него завязан). Мамаша - денег мне.
В а с с а. Ещё один...
Л ю д м и л а (полуплача, полусмеясь). Ах, хорош! Господи...
П а в е л (тихо). Мать вы мне? Анна - скажи ей... отпустите меня...
В а с с а (странно). Я тебе скоро найду место, Павел.
А н н а. Мой совет - отпустите его! Дядя бог знает на что способен...
П а в е л. Не боюсь я его!
А н н а. Вот он прибил Павла...
П а в е л. Врёт!..
А н н а. Паша - человек слабый... но и слабый, рассердясь, может...
В а с с а (пристально глядя на неё). Перестань!
Л ю д м и л а. Что ты, Анюта, словно подсказываешь...
В а с с а. Людмила, уйди! Павел, ты тоже иди... я приду к вам! (Они оба уходят, Васса прошла по комнате, остановилась против дочери.) Ты что это задумала?
А н н а (простодушно). Я? Что?
В а с с а. Не притворяйся! Понимаю. (Снова ходит.) Павел - сын мне, забыла?
А н н а (смущена). Не понимаю я...
В а с с а. Врёшь. Проста очень ты. Ты думаешь, коли брат дядю изведёт...
А н н а. Что вы, мамаша! Ф-фу!
В а с с а. Тебе выигрыш?
А н н а. Да я и...
В а с с а (угрюмо). Не больно ты умна... нет! Кто там ещё?..
М и х а и л. Вечер добрый!
В а с с а. Ну, что?
М и х а и л. Нехорошо... Дышит тяжело очень.
В а с с а. Прибрал бы господь скорее!.. Пятая неделя пошла, как он задыхается.
Глаза-то ясные... видно, всё понимает... Отмучался бы...
М и х а и л. Немного осталось, как видится.
В а с с а (идёт). Ты подожди меня тут...
А н н а. Плохо у вас живут, Михаил Васильевич!
М и х а и л. Хуже невозможно-с! Всё спуталось... всё!
А н н а. Чем же это кончится?
М и х а и л. Не вижу-с...
А н н а. Трудно мамаше... А дядя Прохор не хочет помочь, видно...
М и х а и л (подавленно). Он? Помочь?
А н н а. Почему вы так удивились?
М и х а и л (насмешливо). Так-с...

А н н а. Нет, всё-таки?..

М и х а и л. Удивление моё просто! Захар Иванович, батюшка ваш, бывало, говорили, что русский человек частенько глупость свою за совесть принимает по ошибке... (Липа входит.) Тебе чего?

Л и п а. Анна Захаровна - вас дядюшка просит к себе.

А н н а. Зачем, не знаешь?

Л и п а. С сердцем у них нехорошо.

А н н а (вопросительно, Михаилу). Что?

М и х а и л (успокоительно). Это с ним бывает.

Л и п а. Удушье...

М и х а и л (глядя на Липу). Удушье... Олимпиада вот знает... (Анна быстро уходит, он знаком останавливает Липу.) Ну?

Л и п а. Что-с?

М и х а и л. Не знаешь?

Л и п а. Не согласна.

М и х а и л. Отчего?

Л и п а. Не могу. Боюсь.

М и х а и л. Грешно?

Л и п а. А нет? Чай, человек это.

М и х а и л. Так. Сына удушить - не грешно, а чужого - грешно? Ребёнок - не человек?

Л и п а (злобно). Ребёнок! Напомнили-таки! Я его из жалости...

М и х а и л (мягче). Смотри, дурёха! Прохор твой грех знает...

Л и п а. И вы знаете... значит, и вас - травить?

М и х а и л. Ты что орешь? Нарочно? Гляди, голубушка! Я тоже могу невзначай... (Подходит к ней вплоть.) А ты не ломайся, будет уж! Иди-ка! Вот сейчас какой случай хороший, ну? Слей из обоих пузырьков побольше и дай ему! Ведь не яд, лекарство, пойми! И - с богом, куда хочешь! Помни: не согрешишь - не покаешься, не покаешься - не спасёшься... Иди-ка, иди! Али тебе не дорога свобода? Будешь жить на своей воле, а? Награду получишь немалую... Ты - молодая, тебе жить надобно... не согреша, не проживёшь, Липа!.. не проживёшь!.. Многие... пробовали и - не могли... (Липа уходит, уступая его напору; он возвращается, ворча.) Притворяется тоже... дрянь! Ломака... туда же!

П а в е л (заглядывает). Мать где?

М и х а и л. К Захару Ивановичу пошли.

П а в е л. А ты с кем говоришь?

М и х а и л. Сам с собой...

П а в е л. Нашёл компаньона... тоже!.. Смотри - он тебя обжулит!

М и х а и л. Спасибо, что предупредили! Принимаю это как награду за службу мою вам.

П а в е л. Как хочешь прими... хоть как милостину. (Исчезает. Михаил грозит кулаком вслед Павлу, ходит, заложив руки за спину и щёлкая пальцами. Идут Васса, Семён и Наталья.)

В а с с а (Михаилу, угрюмо). Кончается, кажись, радетель наш...

М и х а и л (опустив голову). А у Прохора Ивановича опять припадок...

В а с с а (детям). Ну, вы чего ходите тут?

С е м ё н. Да ведь и вы тоже ходите...

В а с с а. Говори! Пошли за отцом Егором... Ну, а ты что, Наталья?

С е м ё н (уходя). Наташа - ю!..

В а с с а. Что такое? Что он сказал?

Н а т а л ь я. Так... Не знаю...

В а с с а. Не знаешь... Иди-ка к себе.

Н а т а л ь я. Там - боязно.

В а с с а. Чего?

Н а т а л ь я. Боязно... Слышно, как хрипит...

В а с с а. Ты иди, иди! Бояться нечего... все смерти обречены... Я старше тебя, да не боюсь вот... (Наталья тихо уходит, кутаясь в шаль.) Испугалась... хлеб есть не боишься... Припадок у Прохора, говоришь?

М и х а и л (тихо). Да-с... (Вздрыгнул.) Чу? Вот...

А н н а (вбегает, испуганно шепчет). Слушайте - Липа отравила дядю...

В а с с а. Помер?

А н н а. Не знаю... нет...

М и х а и л (мечется). Вот... теперь полицию... надо полицию...

В а с с а. Стой! Куда? Анна - не суетись...

А н н а. Она там кричит...

В а с с а. Михайло - сюда её...

А н н а. Доктора надо...

В а с с а (строго, негромко). Подожди, говорю! (Вбегает Липа, бросилась к Анне.) Что сделала, еретица?

Л и п а (бросаясь к ней). Ой, сделала... Это он, вот он всё...

В а с с а. Молчать! Первый раз ты лекарство даёшь ему, а? Не знаешь, сколько надо?

Л и п а. Отпустите меня, бога ради!

В а с с а. Ты знаешь, что за такие ошибки в тюрьме сидят? Как ты могла ошибиться, а?

Л и п а (не понимая ничего). Что будет? Ой, что мне будет?

М и х а и л. А, д-дура! Позвольте, я ей...

В а с с а (толкая Липу в свой кабинет). Цыц! Сиди! (Анне.) Ну, а ты что, ну? Чего дрожишь, ну? Случилась ошибка, не то лекарство девушка дала... это бывает! Разве не бывает? Хозяин дома при смерти, суета, девушка одна, с ног сбилась...

А н н а (тихонько). Я понимаю...

В а с с а. Нечего тебе понимать! Твоё дело - сторона, да! Иди к нему, помоги там...

Н а т а л ь я (бежит). Идите скорее - дядя Прохор...

А н н а (невольно). Умер?

Н а т а л ь я (отшатнувшись). Ой, сестрица, что вы?

В а с с а (глядя на Наталью). Что ты в самом деле, Анна? С чего бы это ему помереть? У него за эту зиму два припадка было - а жив остался!

Н а т а л ь я. Ох, испугалась я... Господи! Сполз он с кровати... дёргается, икает...

В а с с а. Икает! Эка страсть, глядите-ка! Я вот после обеда иной раз тоже икаю, а кто этого боится? Идите-ка к нему...

Н а т а л ь я. Идемте, сестрица!

(Анна, со страхом оглядываясь на мать, уходит за Натальей. Васса идёт в кабинет, подошла к оцепеневшей Липе, толкает её.)

В а с с а. Очнись, дьявол!.. Жив он, слышишь? Жив! Чтоб те розорвало, сгинь!

М и х а и л (Олимпиаде). Ошибочка эта дорого встанет...

В а с с а. Оставь её!

Л и п а (падая на колени). Васса Петровна... это я нарочно сделала... Он научил меня, вот он! Родная моя, пожалейте...

В а с с а. Ступай, ступай в свою горницу! Слышала?

Л и п а (вставая). Я не виновата... Господи... (Пошатываясь, она уходит. Васса и Михаил смотрят друг на друга. Михаил виновато опускает голову.)

В а с с а. Дурак!

М и х а и л. Значит - неверно...

В а с с а. И фершал твой - дурак!

М и х а и л. Неправильно что-то, я говорю...

В а с с а. Да и я тоже... положились... Ну, что ж теперь делать будем? Иди сюда! Поговорим начисто. (Идёт в свой кабинет.) Первое - Липка: гляди за ней! Чтобы не звонила! Понял?

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Столовая. Двери закрыты. У камина В а с с а, одетая в траур. А н н а ходит и курит. С е м ё н сидит за столом.

С е м ё н (зевая). Чай бы пить, что ли? Пора уж.

В а с с а. Сорока минут ещё не дошло.

С е м ё н. Ну их, сорок минут! Жизнь - чья? Моя жизнь! Хочу - сорок минут похерю, хочу - целый час вычеркну. А то - месяц... (Кладёт ноги на стул.)

В а с с а. Эк тебя, батюшка, корчит.

С е м ё н. Да скучно же! Жена - нездорова... в карты играть нельзя... Кровь застывает, ей-богу!..

В а с с а. Сорока дён не прошло со смерти отца, а ты - на-ка! В карты бы...

С е м ё н. Сорок дён, сорок минут... извольте радоваться! Наталья тут ещё...

В а с с а. Нервы... Что за нервы? Мне сорок восемь лет...

С е м ё н. Опять - сорок!..

В а с с а. А никогда они у меня не болели...

А н н а (бросив окурков в камин). Нервы и у меня не в порядке... Домище - огромный, гулкий... шорохи какие-то...

В а с с а. Крысы. Да Прохоровы голуби.

А н н а. Скрип по ночам...

В а с с а. Значит - сухой дом-от...

А н н а. Тени шевелятся.

В а с с а. А это не иначе как Липа ходит... это уж она...

С е м ё н. Ну вас, мамаша, не вспоминайте её...

В а с с а (задумчиво). Ходит и ходит...

А н н а. Вы ведь не верите, что самоубийцы ходят.

В а с с а. Не знаю. Почему мне знать?

С е м ё н. Вот завели волынку! Мамаша только в целковый верит...

В а с с а (безобидно). Болван ты, Семёнушка! Для кого мы с отцом целковые-то копили? Для детей будто. А они - и не стоят целкового-то... Ты вот внука здорового не мог мне родить... молчал бы, н`ехотень.

С е м ё н (грубо). Это вы врётё!

А н н а. Сеня!

С е м ё н. У меня был здоровый ребёнок...

В а с с а. От горничной.

С е м ё н. Ну так что? Был же? А что горничная, так вы сами меня с нею свели.

В а с с а. И ребёнок родился мёртвенький. Вот, Анна...

С е м ё н (вскочил). Вовсе не мёртвый он родился, а она его сама - она всё Наталье рассказала, нечего врать! Вы запугали её чем-то... и всю жизнь её ребёнком этим пугали... с того она и удавилась... да!

В а с с а (спокойно). Вот, Анна, слушай...

А н н а (возмущённо). Как ты можешь говорить... такие пакости, Семён? Это - ужас...

В а с с а. А ты - слушай! Ты - тоже мать, тебе это годится...

С е м ё н. Напрасно, Анна Захаровна, подлизываешься ты к матери... не оправдаются расчёты твои, нет! (Уходит, сильно хлопнув дверью.)

В а с с а (усмехаясь). Ишь как!

А н н а. Ах, мама! Я только теперь понимаю, как вам трудно должно быть...

В а с с а. Ничего. Я - не обидчива... А ты понимай, тебе это нужно...

А н н а. Иногда мне даже... боязно за вас...

В а с с а. Не бойся... Зачем?

А н н а. И не всё понимаю...

В а с с а. Ну, всего-то, чай, и никто не поймёт. Вот в моей головушке разные думы роятся... гудят, как осы, а - нет им ответа, нет разрешения!.. (Пауза.) Думала ты, отчего все

мужики такие, как будто не от матерей родились, а отцы одни им начало? Да... и ты об этом подумаешь, погоди... Вот я, его, дураково, здоровье оберегая, любовницу ему в доме разрешила, а он - этим же грехом моим немалым - мне же в зенки тычет... А здоровье-то всё-таки потерял, подлец... на селе где-то схватил чего не надо...

А н н а (тихонько). Неужели правда, что ребёнок...

В а с с а. Ну, а если правда? Ну-ка? Что надо было сделать?

А н н а. Н-не знаю... я не понимаю - зачем?

В а с с а. Вот и ты осудила меня! А когда до самой доведётся, - так же сделаешь, Анна. Допустишь разве, чтобы чужая плоть-кровь твоим трудом жила?

А н н а. Это - далеко. Не хочу об этом думать.

В а с с а. Подумаешь, милая... обо всё подумаешь!

А н н а. Мама! А дядя написал к сыну своему два письма...

В а с с а (встрепенулась). О чём? Послал?

А н н а. Зовёт его сюда...

В а с с а. К нам? Его? Верно?

А н н а (доставая письма). Вот они, письма...

В а с с а. У тебя?.. Ага-а! Не посланы... Погоди!.. Что же, куда ты их?

А н н а. Я думаю, их нельзя посылать...

В а с с а. Так, друг мой! Нельзя! Ни-ни! Ты - умница! Вот видишь: вот - баба! Не-ет, не псы дом хранят, мы его храним. (Подошла к дочери, положила руки на плечи ей.) Продай!

А н н а. Что вы, мама!

В а с с а. Сто за оба - хочешь? Сто!

А н н а. Возьмите... даже обидно, право...

В а с с а. Не обидно, Анна! Я знаю, что обидно - глупость обидна. Ты мать, помни... для детей - ничего не стыдно, - вот что помни! И - не грешно! Так и знай - не грешно!

А н н а. Какая вы... удивительная!

В а с с а (спрятала письма). Матери - все удивительные! Великие грешницы, а - и мученицы великие! Страшен будет им господень суд... а людям - не покаюсь! Через нас все люди живут - помни! Богородице, матушке моей, всё скажу - она поймёт! Она грешных нас жалеет... не она ли говорила архангелу: "Попроси, помоли сына милого, да велит и мне он помучиться во аду со великими грешники" - вот она!

А н н а (улыбаясь ласково). Я приехала - считала себя умнее вас... лучше... право!

В а с с а. Ничего, считай! Я вижу... так и надо! Ошибёшься - укажу... ничего, дочь!

А н н а. Ну, хорошо... подождите! Как же письма? Он выздоровеет другие напишет и сам пошлёт? А то - заказными велит мне отправить - где же квитанции?

В а с с а. Их в конторе много стареньких. Михайло устроит - и город и фамилию переписет, штемпеля положит... ничего, это делалось! Это - пустое! Когда отец в городе любовницу завел, мы это дельвали! Ты погляди, через кого другого не послал бы Прохор.

А н н а. Конечно... я буду!

В а с с а. За Людкой - смотри! Она - дитя.

А н н а. В ссоре они. Да она мне всё передаёт.

В а с с а. Гляди! Если Прохоровы деньги у нас останутся - тут и твоих детей деньги...

А н н а (опуская глаза). Не надо, мама, об этом...

В а с с а. А ты не финти! Я - в очках, я всё вижу...

А н н а. Вы всегда так... прямо очень.

В а с с а. Ну да! И ты со мной так же...

А н н а. Я вас сегодня точно первый день вижу...

В а с с а. Слушай, я тебе мать! И твоим детям - мать... погоди! Кто-то идёт... (Дверь тихо отворяется - Наталья, слабая, бледная, входит.) Ты что бродишь, курица?

Н а т а л ь я. Сказали - чай пить... а ещё и не налито.

В а с с а. Ну, накрывай... Людмила где?

Н а т а л ь я. Дядя позвал.

В а с с а. Так!.. Ну... (Делает Анне знаки глазами, указывая ей на дверь, та не понимает.)
Ты, Анна, поди, проси Прохора-то, - может, он с нами чай пить будет?

А н н а (уходя). Хорошо.

В а с с а (следя за Натальей). Лучше тебе?

Н а т а л ь я. Не спится всё... и сердце тоскует... Ко Мне опять клямзинского приказчика жена приходила...

В а с с а. Напрасно трудится.

Н а т а л ь я. Плачет.

В а с с а. И это напрасно. Слезами - портянку и ту не вымоешь...

(Дунечка входит, молча кланяется, Наталья перестает собирать посуду, уступая ей.
Васса ходит по комнате, подняв очки на лоб.)

Н а т а л ь я (настойчиво). Вы бы простили его... в память покойника!..

В а с с а. Покойники в деле не участвуют. И тебе бы в дела не мешаться...

Н а т а л ь я (сердито). Чай, жалко мне людей-то!

В а с с а. Ежели они работать не хотят - жалеть их нет пользы! Небойсь, когда тебе нянька ленивая попала - ты её без жалости прогнала?

Н а т а л ь я. Тут - ребёнок... моё дитя!

В а с с а. Везде - дети! У меня - тоже ребята... и работники им нужны хорошие. А ежели я обставлю их пьяницами да лентяями, - какая же я мать им? (Анисья, новая горничная, вносит самовар.) Эй, косолапая, на пол плещешь!

А н и с ь я (Дунечке). Ключи от кладовой дайте.

Д у н е ч к а (тихо). Иди, иди! Я сама... (Обе уходят.)

В а с с а. Хороша девица... здоровая, ловкая... хороша! (Входит Павел; он немного выпивши, садится за стол.) Ты бы, барин, ноги-то вытирал, гляди, как наследил!

П а в е л. Ну, так что? И наследил...

В а с с а. Так! Хорошо!

А н н а (кричит в дверь). Мамаша!

В а с с а. Иду... Что там? (Уходит.)

Н а т а л ь я (потянув носом). Вином пахнет...

П а в е л. Пахнет.

Н а т а л ь я (помолчав). Людмила-то...

П а в е л. Да. Ну?..

Н а т а л ь я. Помирилась с дядей...

П а в е л. Знаю.

Н а т а л ь я. Ой, Паша, жалко мне тебя...

П а в е л. Ты всех жалеешь... а что толку?

Н а т а л ь я. Похожи мы с тобой...

П а в е л. И ты кривобокая? Не знал!

Н а т а л ь я. Судьбой похожи. Оба - умные...

П а в е л. Ты - умная? И про то не знал...

(Дунечка хотела войти, но, услышав разговор, спряталась.)

Н а т а л ь я. Не шути! Матушка меня дурой считает, к дому я не допущена, хозяину - жена, а живу, как прислуга... слова моего - не слушают...

П а в е л. А мне наплевать!

Н а т а л ь я. Как же? Ведь и ты тоже - нет тебе никакой воли...

П а в е л (пьянея в тепле). Теперь - кончено! Теперь я скоро покажу себя... Поеду в город... в Москву поеду... везде! Чёрт вас возьми! Дом, и землю, и всё... Не хочу! Не хочу я... довольно!

С е м ё н (идёт, увидел Дунечку, подкрался к ней, схватил за плечи и орёт). А-а, ты шпионить!

Н а т а л ь я. Это мать её научила!

Дунечка. Что вы, батюшки? Где же я...

С е м ё н. Ты чего делала за дверью?
П а в е л. Дай ей по шее... ну! Старая гримза...
Д у н е ч к а. Я - просто... говорите вы... не помешать бы, думаю... разве я смею понимать речи ваши?..
П а в е л. Нет, меня не обманешь!
С е м ё н. Его не обманешь! Он сам подслушивать мастер!
(Идёт Прохор, Анна и Людмила поддерживают его под руки.)
П р о х о р. Тпру! Почему скандал?
Н а т а л ь я. Подслушивала вот...
Л ю д м и л а. Пустите её, Семён! Вот уж любят мучить людей!
Н а т а л ь я. А ты - не любишь?
П р о х о р. Шш... Без драки!
С е м ё н. Надо наказание придумать ей!
П а в е л. Прищепи ей нос в двери... вот она и не будет...
Л ю д м и л а. Тьфу! Гадость!
С е м ё н. Нет, пусть она масла из лампадки выпьет...
П а в е л. Ну, это хоть...
А н н а (строго). Оставь её, Семён! Довольно! Идите, Дуня.
(Дунечка уходит.)
Н а т а л ь я (Павлу). Вот и ещё командирша явилась...
П а в е л. Это - ненадолго! Всё ненадолго!
С е м ё н. Ты, Анна, что, в самом деле?
П р о х о р. Опомнился... Тюря!
П а в е л. А я сегодня ночью двух кошек на голубятню пушу.
А н н а. Павел! Не смей раздражать дядю!
П а в е л. Ты кто такая здесь?
А н н а. Старшая сестра...
П р о х о р. Оставь! Я ему пушу...
С е м ё н. Ты, Анна, напрасно...
Н а т а л ь я. Вы, сестрица, отрезанный ломоть...
П а в е л. Пусть её... ненадолго! Всё - ненадолго!
С е м ё н. Ты своё получила, и - шабаш!
(В дверях Васса и Михаил.)
П р о х о р (Людмиле). И что только будет здесь через недельку эдак? Ух!
Л ю д м и л а. Ничего не будет.
П а в е л (Прохору). Будет, что я вас - попрошу... ко всем чертям! Вот что будет!
П р о х о р. Щенок! Я сам...
А н н а. Дядя! Перестаньте! Павел, если ты будешь сердить дядю, он может...
П р о х о р. Не говори ему про это! Он нарочно будет!
А н н а (Павлу). Это... вредно ему! Он может умереть от припадка, сказал доктор.
П р о х о р. Ну вот! Ну - зачем ты? Ах...
Л ю д м и л а. Напрасно, Анюта...
П р о х о р. Нарочно начнут...
А н н а. Вы - не волнуйтесь...
Н а т а л ь я. Что же это как вы говорите про нас? Что Паша - злодей? Как вы можете?
П р о х о р (Анне). Ты гляди - как говорит, а? Хозяйка, а?
В а с с а (входя). Торопится...
(Все притихли.)
М и х а и л (Прохору). Доброго здоровья!
П р о х о р. А, Бисмарк... насморк... ревматизм! Здравствуй, здравствуй!
(Семён смеётся. Павел всё время следит за дядей.)
В а с с а (сажаясь). Это ты, Семён, распорядился, чтобы клямзинского приказчика

принять?

Семён. Я. Он хороший парень. А что пьёт...

Васса. Это ничего! Да... Жена за него просила?

Семён. Наташа тут ни при чём.

Васса. Я - о приказчиковой жене.

Людмила. Проговорился, Сеня!

Павел. Ты молчи!

Наталья (Людмиле). Нисколько! Я просила Сеню... да!

Прохор (качая головой). Трудные дни настигли тебя, Васса! Даже жалко смотреть...

Васса (спокойно). Спасибо. Себя-то пожалей, не забудь.

Прохор (злорадно). Туго тебе придётся, ой-ой! Ну, и народ пошёл! Говорят - русский человек мягкий, добрый...

Наталья. Где же здесь злые? Мы вовсе не злые...

Людмила (Анне). Как ты думаешь - не злые?

Анна. Не знаю...

Людмила. По-моему, они правду сказали - нет здесь злых...

Прохор. Н-ну, положим!..

Людмила (горячась). Нет. Здесь - несчастные всё... и потому несчастные, что не могут ничего любить...

Павел. Врёшь ты! Я люблю... я!

Семён (жене, подмигивая). Ю!

Людмила. И никто не знает, что - хорошо...

Прохор. Верно! Этого - не знают!

Васса (угрюмо). Ну, а что же хорошо, умница?

Михаил (опасливо поглядывая на дочь). Мм-да?. Ты - того...

Людмила. Сад ваш хорош, мамаша! С малых лет я его люблю и теперь, когда гуляю в нём, вас люблю за то, что вы украсили землю...

Васса (гордо, Анне). Слышишь? Баба-то?..

Людмила. Иногда - боязно с вами...

Михаил. Людмила, ты...

Васса. Оставь её...

Людмила. Не бойся, папа! Взгляну я на сад, вспомню, как вы в нём, согнувши спину, копаетесь около яблонь да ягод и цветов... Знаете вы, мама, что хорошо! Вы - знаете, а кроме вас - никто не знает хорошего...

Прохор. Ну, положим...

Семён. Наталья - ю!

Людмила. Да и не узнает. Никогда! Все хорошее мимо их, другой улицей пройдёт, всё...

Наталья. Какая пророчица!

Прохор. Чего-то ей хочется?

Семён (ворчит). Она да Анна, обе к матери подлаживаются... Просить чего собираются, что ли?

Васса. Ты бы хоть про себя, а не вслух думал, дитяtko!

Наталья. Ему бояться некого...

Семён. Ю!

Васса. Что это у тебя за глупое слово?

Семён. Ю? Так уж - ю!

Васса. Ой, Семён, Семён!

Прохор. Люда - поговори ещё!

Людмила. Не хочется.

Васса. И не надо. Благослови тебя господь хорошими детьми, Людмила.

Людмила (кивая на мужа). От него? Как от него могут быть хорошие дети!

Н а т а л ь я (тянет). Н-ну-у...
М и х а и л. Эх... язычок!
П а в е л (хватая чашку). Убью! (Мать толкнула его под локоть - чашка выпала из его рук.) Вы что? За неё? Хорошо... дайте мне мою часть, деньги мои! Подайте, и будь вы...
В а с с а (толкнув его). Цыц!
П а в е л (захлёбываясь словами). Ненавижу всех... подожгу! Кто вы мне? (Почти рыдая.) Мать... Ты разве мать? Дядя? Жена? Брат?.. Что вы для меня?
В а с с а (угрюмо). А ты для всех?
П а в е л. Как собаки зайца, травите вы меня - за что? Дайте мне моё, и я уйду... уйду!
В а с с а. Что же здесь - твоё?
Н а т а л ь я. Как? Его и Сенино - всё!
А н н а. Вы молчите, Наташа!
Н а т а л ь я. Отчего же?
В а с с а. Мокрица - молчи, сказано тебе!
Н а т а л ь я (плачет). Сеня! За что же меня...
А н н а. Фу, какой ужас...
Л ю д м и л а. Это ты с непривычки...
М и х а и л (дочери). Не путайся, прошу тебя!
П р о х о р (Анне). Меня бы прочь отсюда... не могу!
Н а т а л ь я. Что мы - маленькие? Всякий хочет жить, как ему нравится...
П р о х о р. Анна, нехорошо мне, кричат...
А н н а (торопливо уходя в комнату матери). Сейчас, дядя... мама!
(Васса идёт на её зов.)
С е м ё н. Вы, мамаша, действительно...
П р о х о р. Людмила... Ну-ка, помоги мне...
В а с с а (кричит). Людмила, поди сюда...
А н н а (бежит через столовую). Сию минуту, дядя... Видишь, Павел, вот - опять нехорошо дяде...
П а в е л (орёт). Я здесь хозяин... я, кособокий! Пусть он издохнет... и все вы!
П р о х о р (побагровел, привстает со стула и шипит). В-в-в-ах... так? Михайло, уведи меня... убьёт он!..
П а в е л (прыгая перед ним). И убью... ух! Как дам...
(Общая суматоха. Наталья хочет увести Прохора. Михаил усаживает его на стул. Семён схватил брата за руку и кричит.)
Н а т а л ь я. Паша... оставь...
М и х а и л. Позвольте-с... успокойтесь!..
С е м ё н. Пашка - брось! Дядя - уходите! Мамаша! Дерутся они!
П а в е л. Я тебе давно... ты меня... раз! (Толкнул дядю в грудь Прохор выпрямился и ударил его ногой. Павел, охнув, присел на пол, а Прохор грузно свалился на стул. Вбегает Анна с лекарством в руках, выбежали из кабинета Васса и Людмила, - Васса бросается к сыну, он вертится на полу, держа ногу в руках. Анна - наклонилась над дядей. Семён - около жены. Михаил, взяв дочь за руку, что-то шепчет ей, лицо у него умоляющее.)
С е м ё н (жене). Уйдём скорее...
В а с с а (Павлу). Чем он тебя?
А н н а. Я говорила, Павел...
Н а т а л ь я. Подожди...
П а в е л. Отойди, мать...
А н н а. Дайте воды...
М и х а и л. Поняла, да?
Л ю д м и л а (отцу). Пусти... После скажешь...
В а с с а (вставая). Горячей воды?
Л ю д м и л а. Да, да... на сердце...

М и х а и л. Это надо сделать там, у него...

Л ю д м и л а. Да нет же!..

А н н а. Верно! Берите его... Семён, помоги!..

Н а т а л ь я (зорко следит за всеми). Не тронь, Сеня!.. Боюсь я, ой!.. Они нарочно Павла натравили... куда ты?

(Михаил, Анна, Семён - уносят Прохора.)

В а с с а. Ты что шипишь?

Н а т а л ь я. Разве я змея?

В а с с а. Ты что сказала?

Н а т а л ь я. Позвольте, мамаша?

В а с с а. Что позволить? Ну?

Н а т а л ь я. Мы не прислуги... мы теперь - хозяйева!

В а с с а (тихо). Вон!

(Семён воротился, Павел встал с пола, волочит ногу, идёт к матери, держась за стулья.)

Н а т а л ь я. Не кричите! Сеня - она кричит...

С е м ё н (стараясь говорить внушительно). Нет, мамаша, довольно! Мне - двадцать семь лет, ему - двадцать четыре... против этого не поспоришь! (Мать приподняла очки на лоб и в упор смотрит на сына.) Что вы смотрите? Тут как ни смотрите - закон совершеннолетия... сыновья - наследники... стало быть... спора нет!..

В а с с а (спокойно, Павлу). Иди, взгляни, что с дядей...

П а в е л. Не хочу... Не пойду...

С е м ё н. Да... Уж теперь - как мы желаем!

В а с с а (вздыхнув). Дураком ты родился, Семён!

С е м ё н (вспылил). Обидные ваши слова - оставьте! Я - дурак, а по закону - хозяин! И вы, пожалуйста...

А н н а (бежит). Мамаша... дядя, кажется, помер...

(Молчание. Павел сел на стул, спрятав голову за спинку. Семён, одеревенев, мигает глазами. Наталья прижалась к нему, вздрагивая. Опустив руки и наклоня голову, Васса обернулась в передний угол комнаты, беззвучно шевеля губами. Анна, перебирая на груди пальцами, смотрит на неё. Испуг на лице Натальи постепенно сменяется радостью.)

С е м ё н (шепчет). Вот те раз!

Н а т а л ь я (тоже шёпотом). Теперь - ты пойми! Всё наше делается!

А н н а (им обоим). Шш... тише!..

В а с с а (тихо). Ну, Павел, вот, достиг ты конца...

П а в е л. Я... не виноват... я - выпивши...

С е м ё н. Эх, Пашка! Что, брат?

(Васса и Анна уходят, но Анна остановилась за дверью.)

Н а т а л ь я (ласково). Паша! Скажи правду - они тебя не подучили дядю-то ударить?

П а в е л (устало). Пошла ты... ерунда!

С е м ё н (жене). Что ты сочиняешь тут?

А н н а (входит). Видишь, Павел, что ты наделал? Предупреждала я тебя - не тронь, да?

Н а т а л ь я (подозрительно). Да-а... как будто подстрекнули вы его, так вышло...

П а в е л. Я не виноват...

Н а т а л ь я. Бог рассудит - кто виноват... он знает!

(Идут: Михаил - рука у него обмотана носовым платком, Людмила и Васса. Людмила прошла в угол, села там и тихо плачет.)

В а с с а (торжественно). Скончался...

Н а т а л ь я (мужу, шёпотом). Гляди - рука...

С е м ё н (вздрыгнув, громко). Где? Чья рука?

В а с с а (Наталье). Ты - о чём?

Н а т а л ь я. Я? Я сказала ему, Семёну, что рука у Михаила Васильевича...

М и х а и л (почти не скрывая насмешки). Рука-с? Повредил несколько, задел за ручку

двери, когда усопшего несли. А что-с? Мне не больно, если это вас интересует... совсем не больно... А впрочем - благодарю покорно за внимание!

В а с с а. Ну - помолчите все! Людмила - перестань! Павел, как же теперь? Что будем делать? (Голос у неё дрогнул. Помолчала, шевеля губами.) Ты знаешь - семья наша не дружная, сор из избы будет вынесен, и пойдут тёмные слухи про нас...

П а в е л. Оставьте меня...

В а с с а (глуше). Может, и полиция вмешается... тут - деньги! У дяди в нашем деле до ста тысяч с лишком...

С е м ё н (жене, шепчет). Ого! Вот так - ю!

В а с с а. Известно, что он их взять хотел... Видишь, как всё запутано... Тебя предупреждали - не тронь, убьёшь... а ты - нарочно... Чувствуешь свой грех?

П а в е л (бормочет). Будет! Не тяните душу... (Сообразив опасность, испугался, вскочил, смотрит на всех.) Вы... вы, родные мои... вы - не говорите! Я не хочу... что же делать, мама? Сеня?

В а с с а. Мы, конечно, будем стоять за тебя - пред людьми... А пред богом как ты оправдаешься? И вот я советую тебе, если дело это грешное кончится хорошо для тебя, - иди в монастырь...

(Все удивлены. Людмила, как слепая, идёт к свекрови и улыбается.)

Н а т а л ь я (мужу). Ой... это хорошо! Понимаешь?

П а в е л (растерянно). Я - не хочу! Что вы? Семён, я не хочу!

В а с с а (твёрже). Я дам за тебя хороший вклад, будешь ты жить там спокойно, безобидно, привыкнешь богу молиться и помолишься за нас...

П а в е л (тоскливо). Людмила... рада! Людмила - пожалей! Гляди, как со мной... (Поражён лицом жены.) Как рада... лицо-то! Мамаша - спасибо! Женили вы меня!

В а с с а. Ты сам хотел.

М и х а и л (тяжело). Да-с, вы сами!

В а с с а. Помнишь - зарезаться грозил?

Н а т а л ь я. Как же! И я помню это...

В а с с а (грозно). Ты - молчать! (Мягко, но непреклонно.) Так вот, Павел, дай обет, что идёшь в монахи... Так лучше для тебя и для всех... Никто там тебя не осмеёт, не осудит за то, что ты... некрасив собой. И я буду знать, что сын мой - в спокойном месте, в почёте живёт. Так-то. Ну, подумай... до завтра, а завтра - скажи согласие твоё.

П а в е л (жене). Погибели моей улыбаешься? Не забуду я этого!

Л ю д м и л а. Нет, Павел, я - свободе своей... (Стоя около Вассы, далеко от мужа, она, не сходя с места, опускается на колени.) Человек же ты! Есть в тебе хоть капля доброго? Отпусти меня, Павел! Отпусти, Христа ради! Помяну тебя добром, всегда... Клятву даю - думать буду о тебе с лаской в сердце... одна я, может, буду так думать о тебе! Одна, кроме матери твоей! А с тобой - не могу! Прикоснуться мне к тебе - больно... особенно после сегодня... Павел!

(Все молчат. Васса сидит, опустив голову, Анна что-то шепчет ей на ухо.)

Л ю д м и л а. Паша!.. Голубчик - отпусти же!

П а в е л (вздвогнув). Не надо... не говори так! Ну... Всё равно... Развод, что ли, там... что ж? Всё равно, видно...

(Людмила встала, подошла к нему и, не дотрагиваясь до него, поцеловала в лоб.)

П а в е л (отшатнулся). Что ты... как мёртвого! Зачем ты? Дьявол... Мать, я не пойду в монастырь, ну тебя... Пусть меня судят... Полиция и всё... врёте вы! Деньги мои чтобы забрать, ага! Дай мне мои деньги, я уеду... на край земли от вас... никогда вы не услышите обо мне, никогда! Может - богат буду, а вы - нищие, - придёте ко мне по милостину... прогнать вас велю и в окошко смотреть буду, как вас гонят... Дай мои деньги... Кончено!

В а с с а (спокойно). Денег я тебе не дам.

Н а т а л ь я (беспокойно). Как? Этого - нельзя...

П а в е л. Нет, дашь!

Семён (тихо, ласково). Тут - закон!.. Наследство, мамаша!
Васса (вздыхнув). Наследства вы - лишены. Всё отказано мне по духовной...
Михаил. Совершенно верно-с...
Наталья (мужу, убито). Подделано!
Васса (глядя на неё). В полную и нераздельную собственность.
Михаил (деловито). Чему свидетелями были: отец Егор, Антип Степанов Мухоедов, известный вам, а также помещик Рыжев...
Семён (убито). Мамаша... За что же нас так? Вы покажите бумагу-то... где она, бумага?
Михаил (доставая бумагу). Подлинная - у нотариуса, копии, числом две - вот они! Для вас... и для вас...
Павел (отгаливая бумагу). Не надо! Всё равно... Не верил я в свободу свою... вот - и не вышло ничего... (Задумался.) Ничего и не будет...
(Наталья плачет, закрыв лицо руками.)
Васса (тихо). Что же, Павел?
Павел (оглядываясь). Загнали в угол... Ладно... монахи не в аду, на земле живут... ну, хорошо!..
Михаил (успокоительно). И ещё как живут...
Павел (усмехаясь). Прощай, Людмила... да, ты уж простилась... Ну, из милости - поцелуй ещё.
Людмила (подходя к нему). Только ты меня не трогай руками...
Павел. Не надо... Иди прочь! Дьяволы... (Бежит вон.)
Васса (Михаилу). Гляди за ним!.. Скорей...
Михаил (уходя). Заявление о смерти Прохора Ивановича разрешите сделать?
Васса. Давно пора! Чего ты думал?
Семён (уныло). Значит, мамаша...
Васса (отмахиваясь от него). Ты - иди, иди! Ну, тебе ли без матери жить? Да ещё с такой дурёхой...
Наталья (неохотно кланяясь в пояс). Простите, мамаша, коли я что...
Васса. Ну, ну, пошла, иди! Есть мне охота сердиться на тебя...
(Семён и Наталья ушли бесшумно, подавленные. Васса встала и пошатнулась.)
Анна (поддержав её). Что вы? Что с вами?
Васса (хрипит). Воды... холодной... сердце загорелось...
(Людмила бежит вон.)
Анна. Измучились вы...
Васса (несколько оправилась). Устала... Трудно...
Анна. Как это вы сразу - насчёт монастыря... Просто - чудо!
Васса. Сразу! Годы я думала - куда его ткнуть, сотни ночей не спала... Чудес - нет для нас... нет их! Сами должны всё...
Людмила (вбегает). Натё скорее... (Васса пьёт воду.) Господи, в доме покойник, горе... а - ничего не чувствую!.. Мамаша, какая вы для меня волшебная!
Васса (тихо). Рада?
Людмила. С начала буду жить...
Васса. Со мной живи. Найди хорошего человека, - замуж выдам. Ты найдёшь... Детей народи, а я их внуками сосчитаю... я тебя - люблю... И ты, Анна, переезжай ко мне, детей вези. Не удались сыновья... внуками жить буду... (Прислушивается.) Сад-то и не пропадёт... Забегают в нём детишки ваши... ласковые зверики... Чу? Что это? А?
Анна. Ничего не слышно, мама!
Васса. Ничего? Мне послышалось... Дочки мои... много зла на мне, много греха... хоть и против никудышных людей, а всё-таки... жаль их, когда одолеешь... Вы меня - любите... немножко! Много и не прошу - немножко хоть! Человек ведь я... Сына вот... сына своего... (Вскочила, тревожно.) Кричит, а? Кричит?

Л ю д м и л а. Да нет же! Что вы?

А н н а (ласково). Тихо всё... Успокойтесь...

В а с с а (устало). Чудится мне... (Помолчав.) Не знавать мне покоя... не знавать... никогда!

(Анна и Людмила, переглянувшись, наклонились к ней - она, сняв очки, смотрит на них, угрюмо усмехаясь.)

Занавес

1910 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в "Сборнике товарищества "Знание" за 1910 год", книга тридцать третья, СПб. 1910, с подзаголовком "Сцены", и одновременно отдельной книгой с подзаголовками "Мать", "Сцены" в издательстве И.П.Ладыжникова, Берлин (без обозначения года издания).

Пьеса написана М.Горьким не позднее осени 1910 года: в конце августа начале сентября 1910 года М.Горький писал одному из редакторов журнала "Современник": "Написал пьесу о матери" (Архив А.М.Горького).

После 1933 года М.Горький вновь отредактировал пьесу по печатному тексту десятого тома собрания сочинений (ГИХЛ, М.-Л. 1933), а в 1935 году написал новый, так называемый "второй" вариант её.

Первый вариант пьесы "Васса Железнова" включался во все собрания сочинений.

Печатается по тексту десятого тома собрания сочинения 1933 года, отредактированному автором (Архив А.М.Горького).